

© 2014 г.

С.Г. МАЛКИН

“ХАЙЛЕНДСКАЯ ПРОБЛЕМА” ВЕЛИКОБРИТАНИИ В НАЧАЛЕ XVIII века

В 1707 г. Англия и Шотландия заключили парламентскую унию, дополнив “унию корон” 1603 г. и образовав новое государство – Соединенное Королевство Великобритании. Вместе с тем, если протянувшаяся на равнинах от Глазго до Эдинбурга Нижняя Шотландия, или Лоуленд, к 1707 г. во многом сблизилась с Англией (сохранив при этом традиционные институты страны в церковной, образовательной и юридической сферах), то Горная Шотландия, или Хайленд, и после заключения унии фактически сохранила свою культурную и политическую обособленность как от Англии, так и от соседей с Равнин в Шотландии. Достижения и трудности последней стали общим достоянием Соединенного Королевства, а вместе с ними и проблема Горной Страны – проблема лояльности вооруженных и преданных прежде всего собственным вождям и магнатам кланов и вассалов труднодоступного Горного Края¹. Поэтому не случайно, что армии “претендентов” из Стюартов на британский престол в исторической памяти прочно ассоциировались с жителями Горной Страны, а сочинения по проблеме феодальных и клановых отношений в Хайленде в Великобритании первой половины XVIII в. вызвали вполне определенный общественный резонанс и дискуссии как на страницах памфлетов и книг, так и на рукописных листах мемориалов, отчетов и рапортов, имевших хождение в среде чинов, отвечавших за “умиротворение” Горной Шотландии.

Впервые с военно-политическими угрозами феодальных и клановых отношений, господствовавших в Горной Стране, британское правительство столкнулось уже менее чем через год после заключения Унии. Весной 1708 г. адмиралу Дж. Бингу пришлось защищать берега Альбиона от вторжения французского флота². Поскольку объединение интервентов с мятежниками в Горной Стране многим казалось почти свершившимся фактом, уже на четвертый день после провала десантной операции французов в Палате общин обсуждали, как “уберечь кланы Шотландии от влияния их глав в случае восстания или мятежа”³. Билль, ограничивавший власть вождей, в том числе и как феодальных властителей, встретил, однако, серьезное сопротивление депутатов и

Малкин Станислав Геннадьевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории Самарского государственного педагогического университета.

¹ Подробнее см. *Малкин С.Г.* “Мятежный край Его Величества”: британское военное присутствие в Горной Шотландии в 1715–1745 гг. СПб., 2011.

² Организаторы экспедиции рассчитывали на недовольство шотландцев англо-шотландской унией 1707 г., и едва не вспыхнувший мятеж мог получить не только традиционную поддержку в Хайленде, но и немалое число сторонников в Лоуленде: *Defoe D.* The History of the Union between England and Scotland, with a Collection of Original Papers relating thereto. London, 1786 (1st ed. – 1709), p. 265–284.

³ Цит. по: *Stevenson D.* The Hunt for Rob Roy. The Man and the Myths. Edinburgh, 2004, p. 308.

был в итоге отвергнут. Исчезновение непосредственной якобитской угрозы умерило полемический задор парламентариев и, как это уже бывало прежде и будет потом не раз, желание заняться масштабной социальной инженерией в Горном Крае уступило место стремлению к политической стабильности и равновесию. Не вдаваясь в детали клановых и феодальных отношений в Хайленде, Лондон счел в данный момент лучшим средством минимизации их военно-политических издержек обычный денежный подкуп⁴. Вопрос, однако, состоял в том, с кем и на каких условиях предстоит договариваться.

У правительства имелось два варианта решения вопроса. Оба были опробованы королем Вильгельмом III(II) Оранским и предполагали организацию армии из представителей лояльных Лондону кланов в шотландских горах и/или пенсии вождям и магнатам, помогавшие поддерживать их лояльность новому королю и протестантскому престолонаследию. Королева Анна и ее министры пошли по этому пути.

Отдельные роты из горцев, набранные их вождями при короле Вильгельме III(II) Оранском, были связаны прежде всего с именем Джона Кэмпбелла из Гленорхи, 7-го графа Кейтнесса, 1-го графа Брэдалбейна и Холлэнда (креация 1681 г.). Джон Кэмпбелл был человеком не особенно щепетильным в вопросах преданности и выборе союзников, держа сторону короля Вильгельма III потому, что тогда это была сторона победителя. Еще в 1690 г. граф Брэдалбейн начинает странную для стороннего наблюдателя двойную игру, получив от правительства указание замирииться с продолжавшими упорствовать в якобитизме вождями кланов Горной Шотландии⁵. В числе основных мер предлагался подкуп этих вождей⁶. Такой весьма своеобразный способ установления мира в Хайленде особых результатов по итогам встречи Кэмпбелла с вождями в Эхэлдере (область Гленорхи), однако, не дал, и некоторые полагают, что дело заключалось в слишком хорошо известной в Горной Стране фамилии этого агента правительства⁷. Хотя граф Брэдалбейн и называл себя “другом короля Якова” и убеждал своих потенциальных контрактантов в том, что присяга на верность Вильгельму III Оранскому сейчас – необходимое условие возвращения Якова II(VII) Стюарта на трон Англии, Шотландии и Ирландии в будущем, его делу это совсем не способствовало⁸.

Тем не менее в следующем, 1692 г. имевший уже определенный опыт в наборе и организации службы отдельных хайлендерских рот в Горном Крае граф Брэдалбейн представляет королю Вильгельму III новый план сотрудничества с горцами “в случае восстания дома или вторжения из-за рубежа”. Идея заключалась в том, чтобы, располагая суммой в 20–25 тыс. ф.ст., привлечь 4 тыс. горцев под начало “важного в Хайленде человека”, чтобы они стояли на страже интересов Короны в Горной Стране. Под этим “важным человеком” Джон Кэмпбелл подразумевал, конечно, себя, видя вторым человеком рядом Джона Кэмерона из Лохила, XVIII вождя клана Кэмерон. Предполагалось выпустить 40 патентов на офицерские должности для организации 40 же отрядов: 3 – по 20, 6 – по 30, 8 – по 50, 11 – по 100, 5 – по 150, 3 – по 200, по одному отряду – в 250, 300, 500 и 800 человек. Снаряжение и оружие было решено избрать в

---

⁴ Известный механизм взаимодействия центра и слабо контролируемой периферии современных европейских империй.

⁵ Order by the Earl of Melvill to John Earl of Breadalbane, to Treat with the Highlanders. April 24, 1690; *Campbell J.* Earl of Breadalbane. Letter to the Earl of Melvill. Cafile Kilchurn, September 17, 1690. – Leven and Melville papers. Letters and State Papers chiefly addressed to George Earl of Melville, Secretary of State for Scotland, 1689–1691. Edinburgh, 1843, p. 429, 530.

⁶ *Keltie J.S.* History of the Scottish Highlands, Highland Clans and Highland Regiments. With an Account of the Gaelic Language, Literature, and Music by T. Maclauchlan and an Essay on Highland Scenery by J. Wilson, v. I. Edinburgh – London, 1875, p. 394.

⁷ Покинувший собрание Александр Макдоналд из Гленко, например, как и многие утратившие имения под давлением клана Кэмпбелл, считал часть земель графа Бредалбейна своим наследным владением: *Keltie J.S.* Op. cit., p. 395.

⁸ *Keltie J.S.* Op. cit., p. 395; *Cunningham A.* The Revolution Government in the Highlands. – The Scottish Historical Review, v. 16, 1919, p. 29–51.

соответствии с обычаями Хайленда, то же можно сказать и о дисциплине⁹. При этом сумма, требуемая на формирование и содержание этих рот, была вполне сносной, учитывая, что к концу 1691 г. корона соглашалась заплатить в два раза больше, чем еще год назад (когда правительство намеревалось обойтись при подкупе вождей 12 тыс. ф.ст.) – одна только военная кампания 1689–1691 годов в Горной Стране уже потребовала от правительства 150 тыс. ф.ст.¹⁰

Однако провести в жизнь предложения графа Брэдалбейна Вильгельму III показалось, видимо, слишком рискованным. Из горцев сформировали четыре обычных линейных пеших полка, один из которых (отряд капитана Роберта Кэмпбелла из Гленлайона, полк графа Аргайла) был даже задействован в показательных правительственных репрессалиях против Макдоналдов из Гленко в феврале 1692 г.¹¹ Однако вскоре все четыре полка отправили нести службу во Фландрию в составе “Шотландской Бригады”¹².

Не стоит полагать, однако, будто в Лондоне при определении основных направлений хайлендской политики безоговорочно доверялось рекомендациям демонстрировавших лояльность представителей местных элит. К моменту заключения между Англией и Шотландией унии в 1707 г. ответственные за умиротворение Хайленда чины по обе стороны англо-шотландской границы имели альтернативные источники формирования определенного представления об особенностях социально-экономических отношений в Горной Шотландии и их политических последствий в масштабах всего королевства. Так, представители почтенного шотландского семейства Форбсов из Каллодена отправили в Эдинбург и Лондон одни из самых ценных и вдумчивых (хотя также по-своему ангажированных) комментариев “Хайлендской проблемы”. Форбсы были убежденными протестантами, что важнее – они были вигами (в самом широком смысле этого слова), и им и их противникам этого было достаточно¹³.

Первым Форбсом из Каллодена стал благодаря приобретению одноименного держания близ Инвернесса в 1624 г. удачливый купец из этой своеобразной “столицы” Горного Края, мистер Данкан Форбс, умело сочетавший торговое дело с членством в шотландском парламенте и должностью провоста города Инвернесс. Однако с получением его внуком, также Данканом Форбсом, в наследное владение имения в Каллодене в 1688–1689 годах, новая ветвь Форбсов, Форбсы из Каллодена, оказывается в некотором роде заложницей собственного положения¹⁴. С одной стороны, проживая у самого рубежа Горной Страны, фамилия к концу XVII в. имела в крае прочные позиции. Первые Форбсы прибыли в Инвернессшир из Эбердиншира в 1560 г. С тех пор благодаря личным качествам и успешному ведению дел они завели немало полезных знакомств

---

⁹ *Campbell J.* [1-й граф Брэдалбейн] List of Chieftains named in the Scheme proposed to the king for utilizing the Highlanders in case of any insurrection at home, or invasion from abroad, 1692. – *Keltie J.S.* Op. cit., p. 404–405.

¹⁰ *Cunningham A.* Op. cit., p. 33; *Dalrymple J.* (2-й виконт Стэйр) Letter to the Earl of Breadalbane. December 2, 1691. – *A Source Book of Scottish History.* v. III. 1567 to 1707. London, 1961, p. 221.

¹¹ *Duncanson R.* Letter to Captain Robert Campbell of Glenlyon. February 12, 1692 – *A Source Book of Scottish History...*, v. III, p. 223.

¹² *Papers Illustrating the History of the Scots Brigade in the service of the United Netherlands 1572–1782,* v. I. Edinburgh, 1899, p. 572–575; *Holden R.M.* The First Highland Regiment. The Argyllshire Highlanders – *The Scottish Historical Review.* 1906, v. 3, p. 27–40; *Reid S.* 18th Century Highlanders. London, 1993, p. 3.

¹³ Имя Джона Форбса из Каллодена в годы Реставрации значилось в так называемом “List of persons exempted from the Act of Indemnity”; ему не раз грозила смертная казнь: *Culloden Papers:* comprising an Extensive and Interesting Correspondence from the year 1625 to 1748; including numerous letters from the unfortunate Lord Lovat, and other distinguished persons of the time; with occasional state papers of much historical importance. London, 1815, p. IV, VI.

¹⁴ *MacLean J.* Historical and Traditional Sketches of Highland Families and of the Highlands. Dingwall, 1848.

и дружеских связей в пограничной среде местного общества¹⁵. С другой стороны, порожденное Славной революцией движение якобитов, пытаясь вернуть изгнанным Стюартам утраченный трон, по ряду причин наиболее существенную поддержку находило именно в Хайленде. Это обстоятельство, учитывая известные религиозные и политические принципы Форбсов из Каллодена, их участие в свержении Якова II (VII) Стюарта и роль агентов правительств Вильгельма III Оранского и монархов из дома Ганноверов в Горной Стране, представляло для фамилии большую угрозу.

Тем не менее, когда Горная Шотландия стала для Лондона синонимом якобитской угрозы протестантскому престолонаследию, Форбсы из Каллодена поставили свои обширные связи в крае на службу новым суверенам. И уже в 1689 г., а затем и в 1690 г., в ходе первого же якобитского восстания, владения фамилии в Каллодене (Инвернессшир), а также в Феринтоше (Россшир), были разграблены отрядами полковника Кэннона и генерал-майора Бьюкена (оба были направлены в Горную Страну Яковом II (VII) Стюартом из Ирландии)¹⁶. Между тем основанная еще в 1623–1624 гг. предыдущими владельцами баронии, лэрдами Макинтошами, укрепленная резиденция Форбсов в Каллодене выдержала осаду, став одним из немногих центров снабжения правительственных войск генерала Хью Маккея из Скоури на севере Горной Страны¹⁷.

Однако основным и наиболее значимым содержанием провильямитской, затем проганноверской политики Форбсов из Каллодена являлась их агентурная деятельность в Горной Шотландии. Край и после подавления мятежа слабо поддавался политическому влиянию новых властей, и для последних представители известной в Хайленде фамилии были одним из немногих, а порой и единственным надежным источником сведений о военно-политической ситуации в Горной Стране¹⁸. Еще в разгар первого якобитского восстания Данкан Форбс из Каллодена, провост Инвернесса, недавно ставший главой этой ветви известной шотландской фамилии, находит возможность сообщить генералу Маккею точное расположение инсургентов, занявших его земли в Каллодене, а также стратегические плюсы и минусы удерживаемой ими позиции¹⁹. Этот случай, в отношении многих прочих должный рассматриваться как естественное желание избавить собственные владения от разорения или как частное проявление лояльности подданного, у Форбсов из Каллодена становится частью их пока новой семейной традиции – службы короне (не в пример тайному и явному, ложному и действительному противостоянию последней в период реставрации монархии Стюартов в трех королевствах – Англии, Шотландии и Ирландии).

В сентябре 1690 г. на имя Дункана Форбса из Каллодена выписана охранная грамота, в соответствии с которой все гражданские и военные чины королевства должны были ему на его пути “из этого места (Эдинбург. – С.М.) и до Лондона” всячески по-

---

¹⁵ Показательный факт: первые известия о высадке в Шотландии принца Карла Эдуарда Стюарта, “младшего претендента” на британский престол, к Данкану Форбсу из Каллодена поступили от одного из клановых вождей в Хайленде – *MacLeod N. Letter to the Lord-President. Dunvegan, August 3, 1745. – Culloden Papers...*, p. 203–204.

¹⁶ *Culloden Papers...*, p. VII; Account of loss, My Lord Forbes lands sustained by the Robberies and depredations of the Highlanders, Anno [16]89 and [16]90. – *Historical Papers relating to the Jacobite Period. 1699–1750, v. I. Aberdeen, 1895, p. XIV–XVI.*

¹⁷ *Johnston T.B., Robertson J.A. Historical Geography of the Clans of Scotland. Edinburgh – London, 1899* – до сих пор одно из наиболее популярных изданий по истории Хайленда благодаря подробнейшим картам “традиционных” клановых владений, и владений кланов и магнатов по актам парламента Шотландии 1587 и 1594 гг.

¹⁸ Еще в 1725 г., накануне реализации акта о разоружении кланов Горной Шотландии, этот вопрос активно обсуждался в лагере якобитов и для многих вождей сдача оружия носила исключительно демонстративный характер – *Keltie J.S. Op. cit., p. 495–496.*

¹⁹ *Culloden Papers...*, p. VI–VII.

могать и содействовать²⁰. А уже вскоре лэрд Каллоден представил правительству план мероприятий, необходимых для установления мира в Горной Шотландии и предотвращения якобитской угрозы. Из составленного им мемориала королевские министры могли почерпнуть некоторые общие сведения о феодально-клановой основе политики в Горной Стране, не утруждаясь при этом терминологической конкретизацией самих понятий “феодализм” или “клан”, которые определялись на первых порах скорее содержательно, чем нормативно. В первых же строках этого сочинения сообщалось, что “сила в Шотландском королевстве издревле покоилась на власти магнатов над своими вассалами и вождей над их кланами, что в мирное время всегда тяжким бременем ложилось на короля и королевство, поскольку эти могущественные магнаты и вожди, возгордаясь, действовали очень высокомерно и оскорбительно, не будучи управляемы ни королем, ни законом; во времена войны их могущество вредило и более”. Конкретные (впрочем, столь же оценочные) характеристики феодализм и клановый строй в Горном Крае приобретают, когда на них смотрели сквозь призму религиозной истории Шотландии на протяжении двух предыдущих столетий. Сломить мощь магнатов и вождей, как выяснялось, оказалось возможным “только с помощью Реформации”, под благотворным влиянием которой “большая часть подданных этого королевства стала управляться не волей своих прежних властителей, но в согласии с божьими и земными законами”. Стоит ли говорить, что при такой интерпретации синонимом феодальных и клановых отношений мог оказаться только “папизм”? Стоило последнему отступить в шотландские горы или вовсе исчезнуть, как “грабежи и разбои прекратились, а вассальные и клановые отношения постиг крах”. Правление Карла II Стюарта и Якова II Стюарта предстает как наглядная иллюстрация к феодальным и клановым нормам общежития в Хайленде. “Восстанавливая в правах вождей и магнатов, Карл II и Яков II хотели учредить папистскую и не ограниченную [парламентом] верховную власть”. При этом угрожая “[истинной] религии и свободам народа”, первый из них “разрушил укрепления на территории кланов Горной Страны... вернув их к прежнему варварству”. Только Вильгельм III(II) Оранский “вернул парламентам свободу, восстановил прежнее единство церкви и посадил гарнизоны на шею этим варварам”²¹.

Автор, составлявший свой мемориал под влиянием событий 1689–1692 гг., не позволяет сановному читателю усомниться в том, что феодально-клановые отношения в Горной Шотландии играют на руку лишь якобитам. Власть короля и правительства в Шотландии, таким образом, может быть прочной только при поддержке “добрых и честных людей” (пресвитериан в своих религиозных и политических предпочтениях), а не с опорой на движимых частными интересами вассалов (папистов и епископалов). Сам феодализм, таким образом, представляется проблемой скорее религиозно-политической, чем социально-экономической. Во всяком случае, именно политические признаки феодально-клановых отношений в горской среде и политические же способы ограничения распространения их географии (от грабежей в пограничных с Горной Страной округах до мятежей в масштабах всего королевства) занимали после Славной революции умы комментаторов. Набор предлагавшихся ими мер показывает, что и решать они были призваны задачи прежде всего политического характера.

Чем же тогда руководствовались те, кто собирался размещать в Горном Крае гарнизоны, т.е. части регулярной армии – института, чуждого Хайленду с его феодально-клановыми отношениями? А ведь предполагалось, что самый крупный форт в Инверлохи станет со временем еще и “центром коммерции и [таким образом] цивилизации Хайленда”. При этом “джентльменам, обладающим обширным влиянием в Горной

²⁰ Gorge Earle of Melvill, Viscount Kirkaldy, Lord Karth, Monimeall, and Ballwearie, their Majesties' high Commissioner, and Secretarie of State for the kingdom of Scotland. [Order] to all Livetennants, Deputy Livetennants, Shireffes, Postmasters, Justices of the Peace, and others concerned. The Palace of Holyrood House, September 22, 1690. – Culloden Papers..., p. 12.

²¹ *Forbes D.* Memoir of Plan for Preserving the Peace of the Highlands: Written a Short Time after the Revolution. – Culloden Papers..., p. 14–18.

Стране”, предлагалось находить общий язык с командирами гарнизонов, предотвращая разбой и грабежи. А сам “губернатор форта в Инверлохи должен обладать особыми юридическими полномочиями по отношению к соседним с фортом варварским областям, ...избегая каких-либо отношений частного свойства с магнатами или вождями”²². Всё это создавало положение не только двойственное, но и двусмысленное, учитывая, что полковник Джон Хилл, губернатор форта в Инверлохи, предлагал сотрудничать с этими “влиятельными джентльменами”, попутно преодолевая собственные финансовые затруднения²³.

Как иначе можно объяснить тот факт, что прозвучавшие “спустя короткое время после Революции” предложения в некоторых случаях вместо размещения правительственных гарнизонов ради экономии довериться местным вождям и магнатам (разумеется, верным сторонникам короля Вильгельма III(II) Оранского и протестантского престолонаследия), через десять лет будут озвучены вновь, но с большим размахом и на более высоком политическом уровне? Теперь речь шла еще и об ответственности вождей и магнатов Горного Края за грабежи и прочие беспорядки, совершаемые их клансменами и вассалами. А само решение было принято по итогам работы “Комитета по поддержанию мира в Хайленде”, среди трех председателей которого значились уже упомянутый выше Данкан Форбс из Каллодена и Джордж Маккензи из Тарбета (в скором будущем граф Кромэрти) – интеллектуальные герои информационного соперничества в борьбе за наиболее привлекательный образ хайлендской политики королевы Анны Стюарт²⁴.

Занимавшийся этими вопросами при королеве Анне государственный секретарь Северного департамента, а затем и лорд-казначей Роберт Харли, 1-й граф Оксфорд и Мортимер, даже не пытался повторить в Горной Стране опыт короля Вильгельма III, отвергнув предложение государственного секретаря по делам Шотландии при королеве Анне Джорджа Маккензи из Тарбета, графа Кромэрти и виконта Тарбета (креация 1703 г.), о наборе среди “вигских кланов” милиции численностью в 6 тыс. чел., чтобы иметь в горах на случай мятежа готовую “армию”. Вместо этого королевский министр предпочел прислушаться к соображениям Эллена Кэмерона из Лохила, младшего сына вождя клана Кэмерон, чей план сводился к выплате пенсий лояльным королеве Анне вождям, которые в случае необходимости призовут свои кланы на защиту ее интересов. Весьма характерно, что эти идеи на самом деле во многом повторяли предложения графа Брэдалбейна, и в своем окончательном варианте в их реализации найдется место и для отдельных рот Джона Кэмпбелла из Гленорхи²⁵.

Таким образом, и до, и после заключения Унии представления Лондона о содержании и характере социальных отношений в Хайленде, формировались не только агентами британского правительства в Горной Шотландии, но и отдельными представителями местных элит, активно претендовавшими на роль таковых.

Другой любопытный и весьма показательный факт заключается в том, что граф Брэдалбейн (как и отчасти граф Кромэрти) и Эллен Кэмерон из Лохила, преследуя в диалоге с властью одни и те же задачи приобретения надежного патрона в Лондоне и расширения патронатной базы в Хайленде, определяли военно-политический потен-

²² Ibid., p. 17.

²³ В адресованном королю Вильгельму II(III) Оранскому анонимном мемориале о положении дел в Горной Стране, представлявшем характеристики потенциальных союзников короны среди местных вождей и магнатов, содержится предложение назначить 150 ф.ст. в год губернатору форта в Инверлохи, которым и был назначен полковник Джон Хилл. Факт, позволивший издателю предположить, что губернатор участвовал в составлении мемориала: Memorial to the King. 1692. – Papers illustrative of the Political Condition of the Highlands of Scotland: From the Year 1689 to 1696. Glasgow, 1845, p. 80.

²⁴ Report of the Committie anent the Peace off the Highlands, 1699. – Historical Papers..., v. I, p. 1–3.

²⁵ Stevenson D. Op. cit., p. 72–73.

циал феодально-клановой системы в Горном Крае с диаметрально противоположных позиций. Первый позиционировал себя как незаменимого проводника правительственных интересов в Горной Шотландии, акцентируя внимание не только и не столько на своих возможностях в качестве вождя (коим он по отношению ко всему клану Кэмпбеллов и не являлся), сколько на своем потенциале в качестве крупного магната (коим он был, безусловно), оперирующего в правовом пространстве вассальных отношений и феодальной зависимости. Не обладая такими возможностями и правами, второй предельно ясно заявляет, что первым условием верной службы короне является отмена всех форм феодальной зависимости. Свободные от феодальных повинностей горцы будут обязаны службой только вождям своих кланов... и их королеве. 10 тысяч милиционеров, собранных в недельные сроки – отличный результат, если бы он был достижим. На практике такая репутация горцев как прирожденных воинов была явным преувеличением, обозначавшим как степень непонимания реалий их социальных отношений за пределами Хайленда, так и желание магнатов и вождей использовать в своих интересах этот дефицит информации, порождавший удобные обеим сторонам стереотипы. Возможно, именно поэтому, судя по корреспонденции графа Оксфорда с одним из своих агентов в Горной Стране, касавшейся пенсий, действительное число горцев, которых их вожди обязались выставить в поле по требованию короны, так и осталось невыясненным (наверняка в два раза меньше заявленного). Однако и стоил такой клановый феодализм, в отличие от юридически оформленных феодальных отношений графа Брэдалейна (и графа Кромэрти), достаточно дешево – всего 4000 ф.ст. в год, т.е. менее фунта на каждого милиционера из предположительно лояльных кланов Роберта Харли²⁶.

Как верно отметил Д. Стивенсон, план графа Кромэрти почти повсеместно подрывал позиции графа Оксфорда. Учитывая, что лорд-казначей стремился скорее к умиротворению Горной Страны, формирование милиции из “вигских кланов” неизбежно толкало остальных в объятия тори, а в условиях Шотландии между ними и якобитами часто смело можно было ставить знак равенства (английские тори, к которым принадлежал и сам королевский министр, вообще могли расценить этот шаг как предательство)²⁷. Кроме того, Роберт Харли не желал ослабления позиций правительства в Горном Крае, почти точно совпадавших с пунктами размещения гарнизонов королевской армии в Хайленде, скорее обозначавшими британское присутствие в шотландских горах, нежели служившими его реальным основанием, и границами владений лояльных правительству представителей местных элит. В Лондоне, судя по всему, решили, что друзья правительства в Горной Стране и так верны по доброй воле, так что пенсии следует распределять среди потенциальных противников (многие из которых были и будут врагами официальных властей), что и предложил Элэн Кэмерон – “не будить спящую собаку” (Д. Стивенсон²⁸), и только. В действительности же лояльность друзей правительства обуславливалась скорее местными обстоятельствами взаимных притязаний и сотрудничества в отношениях между кланами и магнатами Хайленда.

Между тем сочинения графа Кромэрти позволяют предположить, что побудительные мотивы лорда-казначей при выборе стратегии умиротворения Горного Края не исчерпывались одними партийными предпочтениями и раскладом политических сил в королевстве. Стоит внимательнее присмотреться к более раннему и представительному (по масштабу обсуждаемых проблем) мемориалу Джорджа Маккензи о “первейших причинах разногласий в Шотландии”, адресованному королеве Анне в связи с ее восшествием на престол в 1702 г. Нетрудно заметить, что граф Кромэрти имел ввиду упомянутые им в предложении Роберту Харли “вигские кланы” по той

---

²⁶ The Earl of Kinnoull to [the Earl of Oxford]. 26 August, 1712. Dupplin House. – Historical Manuscripts Commission. Report on the Manuscripts of his Grace the Duke of Portland, preserved at Welbeck Abbey, v. V. Norwich, 1899, p. 216.

²⁷ *Stevenson D. Op. cit.*, p. 72.

²⁸ *Ibid.*, p. 76.

причине, что виги тогда, пребывая у власти, казались ему более надежными союзниками протестантского престолонаследия (тем самым его личного положения в иерархии властных отношений в Соединенном Королевстве, Шотландии, Хайленде). Пятью годами ранее, в 1703 г., будущее Славной революции он также откровенно связывал с тори (учитывая, что только что взошедшая на престол королева Анна откровенно симпатизировала этой партии не только в Англии, но и в Шотландии). Что оставалось неизменным, так это предложение использовать особенности феодально-клановой системы Горной Шотландии с учетом особой роли магнатов. Бухгалтерия милиции в мемориале 1703 г. была еще более прозрачной и выгодной для казны, чем расчеты Эллена Кэмерона из Лохила. Феодализм Горной Страны, описанный в 1703 г. графом Кромэрти, предполагал, что “влиятельные лидеры” 4800 “протестантов” Горного Края (умеренных представителей лагерей тори и вигов, верных протестантской монархии и государственной церкви) всегда смогут выставить 2 тыс. вооруженных милиционеров при условии своевременной выплаты пенсий этим вождям и магнатам в 2 тыс. ф.ст. в год²⁹. Калькуляция, конечно, уступала более поздним и менее притязательным в финансовом плане запросам младшего сына вождя клана Кэмерон в 1711 г., но, несомненно, предполагала значительную экономию средств по сравнению с более ранними попытками поставить на весьма солидное правительственное довольствие отдельные роты графа Брэдалейна в 1692 г.

Представляется, что переговоры между лордом-казначеем и пенсионерами Эллена Кэмерона из Лохила определяли степень лояльности Хайленда до смены династии в Британии в 1714 г. именно потому, что предложения последнего предусматривали куда меньшее число посредников в лице магнатов при переговорах с правительством, чем планы государственного секретаря по делам Шотландии Джорджа Маккензи. Граф Кромэрти, конечно, не преминул указать, что “особенное обстоятельство, старательно державшееся в тайне от короны в интересах... фанатиков и тех, кто не желал, чтобы монарх знал свою силу в этом королевстве”, состоит в том, что “в шотландских горах есть горцы помимо тех, которые как говорят, есть у герцога Аргайла, маркиза Этолла и графу Мара”. Арифметика лояльности в мемориале Джорджа Маккензи показывает, что его 4800 “протестантов” – это клансмены, ведомые вождями, а не вассалы, руководимые своими магнатами. Впрочем, обе формы социальных отношений могут сослужить короне добрую службу. “Вместе с горцами маркиза Этолла, графа Мара, графа Брэдалейна и лорда Рэя, ...связанных с королевой иными (не пенсионными. – С.М.) обязательствами... ее Величество может располагать 4000 хорошо вооруженных и известных своей храбростью людей”³⁰. Предложение решительно, казалось бы, разделяя и властвовать в Хайленде, сдерживая с помощью кланов их же магнатов, упразднив феодальную зависимость (в случае с вассалами герцога Аргайла), или молчаливо соглашаясь ее сохранить (в случае с приверженцами маркиза Сифорта), только дополняло общую картину неопределенности социальных отношений в Горной Шотландии в свете продолжавшейся в королевстве острой межпартийной борьбы. Один из пассажей в мемориале графа Кромэрти 1703 г. можно при этом принять как завершающий штрих: “Граф Брэдалейн обладает значительной властью, но во многом ограничен, так как Аргайл – его вождь”³¹.

Между тем Эллен Кэмерон также не исключал возможности использования кланов для того, чтобы удерживать магнатов от мятежей. При этом он явно преувеличивал мощь собственного клана (оба автора насчитывали в рядах своих клансменов по 2 тыс. горцев, выражая мобилизационные возможности других куда меньшими цифрами)³².

²⁹ The First Causes of Scotland's Divisions, by Lord Tarbat, 1703. – Publications of the Scottish History Society. Second Series. v. XI. November 1915. Letters relating to Scotland in the reign of Queen Anne by James Ogilvy, First Earl of Seafield, and others. Edinburgh, 1915, p. 118–133.

³⁰ The First Causes..., p. 132.

³¹ Ibid., p. 130–131.

³² Ibid., p. 131; *Stevenson D. Op. cit.*, p. 74.

Однако в остальном ситуация становилась значительно проще, поскольку предложение о реформировании феодальных отношений лорд-казначей мог попросту проигнорировать (так он и делает), сосредоточившись на том, что устраивало почти всех партнеров по переговорам о мире в Хайленде – на распределении пенсий. Кроме того, если граф Кромэрти, намекая на невозможность разоружения и арестов в Горном Крае, подразумевал магнатов (предлагая обуздать их силами их же собственных вассалов), то сын вождя клана Кэмерон, естественно, имел в виду именно кланы, которые лишить единства одними юридическими решениями не представлялось возможным³³.

Таким образом, феодализм Горной Шотландии на начальном этапе осмысления и решения “Хайлендской проблемы” представлялся комментаторами из Горной Страны и воспринимался их высокопоставленными читателями как явление преимущественно политического характера. Они видели в нем специфическое нормативное пространство для политической деятельности правительства на окраине Соединенного Королевства, а не совокупность своеобразных и разнообразных социально-экономических и политических практик. Со временем феодально-клановая система Хайленда всё чаще будет восприниматься в категориях “цивилизации”, представляя политической и морально-этической проблемой в масштабах всего королевства, и тогда противоречия между сторонниками “завершения унии” и вождями и магнатами Горной Страны в интерпретации ее реалий приобретут особое политическое звучание³⁴. Горный Край предстал в мемориалах магнатов и вождей как последнее прибежище политической и социальной архаики, а королевские министры считали его досадной помехой на фоне по-настоящему важных проблем нарастающего англо-французского противостояния. В Хайленде не забыли об относительно недавнем и быстром “разгроме” якобитов в шотландских горах в 1689–1691 гг. силами местной милиции, а присутствие регулярной армии в мирное время воспринималось как аномалия. Это, а также стремление поскорее снять с повестки дня вопрос об опасности нового мятежа, которая таилась в природе феодально-клановых отношений в Хайленде, побуждали лорда-казначея рассматривать феодализм Горной Шотландии как своевременную возможность “умиротворить” Горную Страну с минимальными затратами и гарантированным результатом. И эта предложенная Элэнном Кэмероном из Лохила интерпретация была выбрана, таким образом, не потому, что она больше других³⁵ соответствовала реалиям Горного

---

³³ Элэн Кэмерон приводил в пример гонимый клан Грегоров. Хотя имя клана находилось под запретом, Макгрегоры, сообщает автор мемориала, прибавляли его к имени того клана, чье покровительство вынуждены были принять. И хотя они разбросаны на значительной территории, при необходимости они выступят за вождем из Макгрегоров, а не за теми властителями, на чьих землях проживают: *Stevenson D. Op. cit.*, p. 74.

³⁴ Сочинения Джеймса Эрскина лорда-клерка Сессионного суда Шотландии как лорда Грэнджа, очень точно маркируют периоды повышенного внимания Лондона к проблеме “цивилизации” Хайленда: *Erskine J. Memorial concerning the Highlanders, Sheriffships, Vassalages and etc.* 1 [2,3]. Ed., 14 [21,25] Jan., 1725 – National Archives of Scotland. Mar and Kellie Papers. GD 124/15/1264/1 [2,4]; Remarks by James Erskine of Grange on a proposed rectification of the Scots superiorities and heritable jurisdictions [1746–1747] – Ibid. GD 124/15/1571; Letter to Ilay from Grange, in Edinburgh Dec. 16–17 [1746–1747, о вассалитете в Шотландии] – Ibid., GD 124/15/1262/2; Letter to Ilay from Grange, in Edinburgh. Dec. 24 [1746–47, об устранении зависимости горцев от вождей] – Ibid., GD 124/15/1262/3. Современники лорда Грэнджа, судя по всему, также обнаруживали эту “связь поколений” между спорадическими инициативами правительства в Хайленде: Letter to James Erskine of Grange from William Ramsay, in Edinburgh, suggesting that Grange should remind the Lord Advocate of his memorials on the Highlands and describing improvements in Rannoch. February 25, 1752 – Ibid., GD 124/15/1608.

³⁵ В рамках двух других интерпретаций феодализм рассматривался как 1) дорогостоящий риск союза с вождями и магнатами под руководством графа Брэдалейна и 2) как фактор шотландской политики в сложной среде запутанных отношений разделенной зависимости и лояльности.

Края, а потому, что она в большей мере отвечала политическим задачам, стоявшим перед Харли.

Показательно, что выбранные местными вождями и магнатами методы репрезентации Хайленда носили универсальный характер. Отчитываясь перед сен-жерменским двором о своем вояже в Англию и Шотландию в январе 1704 г., Саймон Фрээр, лорд Ловэт и наследный вождь клана Фрээр, например, объяснял желание сторонников королевы Анны в Шотландии убедить его держать их сторону в обмен на монаршее прощение, возвращение оспариваемого наследного имения, право на формирование полка за счет казны и солидную пенсию тем, что “они знали его силу в Хайленде, которой опасались, а именно то, что горцы без него ничего делать не будут”³⁶. Другие, менее известные и влиятельные агенты изгнанных Стюартов также утверждали, что значительные мобилизационные возможности Горной Страны определялись ее кланово-феодальной системой, и воспроектировали в своих мемориалах и донесениях ту же фантастическую цифру, которую в 1704 г. привел и лорд Ловэт – 20 тыс. хайлендеров. Даже в начале 1720-х годов Джон Эрскин, 6-й граф Мар, находясь в изгнании во Франции после поражения возглавленного им в 1715–1716 гг. мятежа якобитов, будет говорить о “15 000 или 16 000 вооруженных и организованных в полки под началом своих вождей горцев”. И это, по его мнению, была бы “самая дешевая армия в Европе”: всего 200 ф.ст. в год вождям и магнатам за каждые 500 человек³⁷. Уже через два десятка лет мечта графа Мара о набранных среди горцев полках начнет сбываться, но это будут офицеры и солдаты, которые присягнут на верность Ганноверам, а не Стюартам, и они станут защищать и расширять Британскую империю, а не поддерживать претендентов, обещавших упразднить англо-шотландскую унию и расплатиться с союзниками за возможную поддержку в борьбе за престол заморскими владениями британской короны³⁸. В мае 1740 г. при обсуждении возможной поддержки реставрации Стюартов испанским двором речь вновь шла о 16 тыс. горцев, готовых, по словам Джеймса Батлера, 2-го герцога Ормонда, в любой момент поддержать своего короля Якова III(VIII) Стюарта³⁹. В письме кардиналу Флэри в марте 1741 г. один из лидеров диаспоры якобитов во Франции Уильям Макгрегор (Драммонд), барон Бэлхэлди, убеждал двор Людовика XV в том, что при наличии вооруженной поддержки и финансового обеспечения в 20 тыс. ф.ст. в Горной Стране можно мобилизовать, соответственно, 20 тыс. хайлендеров⁴⁰...

В этом смысле контрагентам британского правительства в Горном Крае ради большей убедительности своих утверждений требовалось соблюдать баланс между

---

³⁶ A Memorial to the Queen of all that my Lord Lovat did in his Voyage to England and Scotland, by her Majesty's Orders [January, 1704] – Original Papers; containing the Secret History of Great Britain, from the Restoration, to the Accession of the House of Hannover. To which are prefixed extracts from the life of James II. As written by himself. The whole arranged and published by James Macpherson, esq; in two volumes. v. I. London, 1775, p. 642–643.

³⁷ *Stevenson D.* Op. cit., p. 84.

³⁸ В 1743 г. 43-й, более известный как 42-й (с 1749 г.) Королевский (с 1758 г.) горцев пеший полк “Черная Стража” – первый полк, набранный среди шотландских горцев после Унии, – был отправлен на континент для участия в войне за Австрийское наследство, а в целом во второй половине XVIII в. в рядах британской армии пройдут службу как минимум еще полсотни полков, набранных в Горной Стране. Только между 1756 и 1783 гг. в Хайленде были набраны по крайней мере 22 регулярных пеших батальона (в XVIII в. в британской армии полк часто состоял из одного батальона, и эти два определения часто использовались современниками как синонимы): *Dziennik M.P. The Fatal Land: War, Empire and the Highland Soldier in British America, 1756–1783*, v. I. Edinburgh, 2010, p. 15.

³⁹ *Black J.* Culloden and the 45'. London, 2010, p. 53.

⁴⁰ Le Duc de Perth, le Lord Jean Drumond de Perth, my Lord Lovat, Milord Linton, Cameron, Baron de Locheil, le Chevalier Campbell d'Achinbreck, M'Grieger Baron de Balhaldies. Lettre de quelques Seigneurs ecossais au Cardinal de Fleury. a Edimbourg, ce 13eme Mars 1741. – *Origins of the Forty-Five and other papers relating to that Rising.* Edinburgh, 1916, p. XXXIV–XXXVII.

ожидаемыми от правительства суммами пенсий и соответствием истине заявленной численности обещанных ими сил милиции. Якобитам во Франции необходимо было совершенно иное – убедить Париж в том, что в случае высадки французского десанта на Британских островах это рискованное предприятие получит необходимую поддержку. Нетрудно заметить, что в миф о сплошь милитаризованных феодально-клановой системой социальных отношениях в Хайленде верили и Бурбоны, и Стюарты, а позже и Ганноверы. Представление о горцах как о всегда готовых выставить многочисленную и обученную армию в Горной Шотландии позволяло вождям и магнатам претендовать на особое место в политической системе королевства, правительству в Лондоне исчерпывающим образом объяснять свою пассивность в весьма дорогостоящем, длительном и рискованном для многих политических карьер деле окончательного “умиротворения” и “цивилизации” Горной Страны, а королевским министрам в Париже и Мадриде строить амбициозные планы вторжения на Британские острова и оправдывать свои внешнеполитические усилия, направленные против Британской империи⁴¹. Но поскольку основными комментаторами того, что происходило в Горном Краю, выступали сами представители местных сообществ, то неудивительно, что в понимании ее содержания Лондон добился немногого. Подлинное интеллектуальное освоение Хайленда начнется лишь при Ганноверах.

Конкретным результатом такой вполне осознанной позиции британского правительства как раз и стала практика выплаты пенсий. В письме с благодарностями от десяти вождей Горной Шотландии к лорду-казначейю от 20 декабря 1711 г. обозначается круг лиц, взятых правительством на пенсионное обеспечение. Четыре Макдоналда, Макферсон из Клани, Стюарт из Эппина, Маклеод, Макдугал из Даннолли, Джон Маккиннон и, разумеется, Джон Кэмерон из Лохила (брат Эллена Кэмерона из Лохила, автора мемориала) – все, как и предполагалось, вожди, не магнаты. Сумма ежегодных выплат также определялась достигнутыми договоренностями – 4 тыс. ф.ст. в год. Более того, вскоре правительственным пенсионером стал и граф Брэдалбейн. И хотя остальные магнаты по-прежнему оставались исключенными из этой системы, самому Джону Кэмпбеллу даже довелось в итоге играть роль посредника между Лондоном и заинтересованными вождями Хайленда⁴². Держать в тайне тот весьма компрометирующий факт, что королевский министр фактически платил за лояльность католикам и якобитам, удавалось достаточно долго. Слухи поползли уже на следующий год, но сам скандал разразился только три года спустя. В 1714 г. Герцог Аргайл (один из политических оппонентов графа Оксфорда, фактически исключенный из переговорного процесса по “умиротворению” Горной Страны) обвинил Роберта Харли в Палате лордов в том, что, распределяя пенсии среди означенных кланов, он тем самым “поддерживает дух и дисциплину среди друзей претендента”. Лорд-казначей был оправдан, заявляя, что всего лишь продолжает политику короля Вильгельма III(II) Оранского, платя кланам за то, чтобы те “вели себя тихо”⁴³. Однако через два месяца граф Оксфорд был освобожден от королевской службы и уступил занимаемую им должность сэру Роберту Уолполу, с именем которого и связано первое значительное военно-политическое и интеллектуальное проникновение британского государства в Горный Край после Унии.

---

⁴¹ В последний раз французы попытаются высадить войска на Британских островах в расчете на поддержку преданных изгнанным Стюартам кланов Хайленда в 1759 г. – *Zimmermann D. The Jacobite Movement in Scotland and in Exile, 1749–1759. Basingstoke – New York, 2003, p. 76–81, 120–158.* В действительности министры Людовика XV сомневались в мобилизационных возможностях своих шотландских союзников, рассчитывая в основном на себя. Министр иностранных дел Франции герцог Шуазэль писал: “Если будут разбиты 50 000 солдат в первой экспедиции, король решительно настроен отправить следующее войско такой же численности. И мы не сдадимся, пока во Франции будут оставаться солдаты” (*Маклинн Ф. 1759. Год завоевания Британией мирового господства. М., 2009, с. 131–143.*)

⁴² *Stevenson D. Op. cit., p. 80.*

⁴³ *Parliamentary History of England, v. VI. London, 1810, p. 1339–1340.*

Символично, что в 1717 г., на следующий же год после подавления мятежа якобитов, вспыхнувшего после смены династии, отдельные роты из горцев, сформированные в результате реализации хайлендской политики графа Оксфорда и при посредничестве графа Брэдалбейна, прекратили свое существование, что совпало по времени со смертью самого Джона Кэмпбелла⁴⁴. Коррупция (главным образом выпуск пойманных грабителей на свободу за выкуп) и сознательное игнорирование служебных обязанностей (прежде всего содержание половинного состава рот от их стоявшего на обеспечении правительства штатного расписания) наряду с обоснованными и оправдавшимися в ходе мятежа 1715–1716 гг. подозрениями в приверженности многих рядовых и офицеров отдельных рот из горцев делу изгнанных Стюартов послужили тому основными причинами⁴⁵. Очевидно, требовались иные решения хайлендской проблемы и, следовательно, иной масштаб и ракурсы ее изучения и осмысления. В середине 1720-х годов британское правительство впервые всерьез (хотя и ненадолго) озабочится выработкой собственного, по возможности не обусловленного местными интересами, курса в хайлендской политике. Не доверяясь, как прежде, вождям и магнатам, Лондон направит в 1724 г. в Горную Шотландию генерал-майора Джорджа Уэйда, с именем которого и будет связан дальнейший период умиротворения Горной Страны (до начала последнего поддержанного в крае якобитского мятежа 1745–1746 гг.). Впрочем, это уже другая (по форме и сути) история.

---

⁴⁴ *Prebble J. Mutiny. Highland regiments in revolt, 1743–1804. London, 1975, p. 25; The Scots Army, 1661–1688, with Memoirs of the Commanders-in-Chief. Ed. by C. Dalton. London, 1909, p. 109.*

⁴⁵ *Wade G. Report, &c., relating to the Highlands, December 10, 1724. – Historical Papers..., v. I, p. 137; Prebble J. Op. cit., p. 25.* Еще до якобитского мятежа 1715–1716 гг. ходили слухи о простюартовских настроениях в отдельных ротах из горцев. Так, Роберт Вудро, пресвитерианский священник в приходе Иствуд, Шотландия, писал еще в 1713 г., что граф Бредалбейн и его горцы – сплошь якобиты: *Scottish Diaries and Memoirs, 1550–1746. Stirling, 1928, p. 382.* Если же говорить о других обвинениях, то справедливости ради надо отметить, что, например, причиной коррупции в ротах из горцев являлась не только корысть, но и давление со стороны преступников на тех, кто служил Короне, как это, например, произошло с полковником Грантом, капитаном одной из отдельных рот, в 1711 г., когда вождь Макдонеллов из Гленгарри с помощью различных связей среди “шотландских” чиновников пытался высвободить своих людей, совершенно справедливо обвиненных в краже скота: *Mitchison R. The Government and the Highlands, 1707–1745. – Scotland in the Age of Improvement. Edinburgh, 1970, p. 28.*